

Ван Фугуй опешил и осторожно посмотрел на выражение его лица. Однако Сяо Чжигэ почти не проявлял эмоций, так что прочесть по его лицу хоть что-то было невозможно. Дворецкому пришлось подкорректировать уже готовые слова и осторожно произнести:

— Я сейчас же велю отнести. И ещё... утром ванфэй приходил к вам в кабинет.

Глаза Сяо Чжигэ слегка блеснули:

— Ванфэй... в порядке?

Ван Фугуй, опустив голову, ответил:

— Сегодня Яньхун и остальные служанки сплеховали и огорчили ванфэй. Ванфэй намерен прогнать их и продать...

Сяо Чжигэ лишь равнодушно хмыкнул.

Ван Фугуй, видя, что тот больше ничего не собирается говорить, всё же не удержался:

— Яньхун и прочие прислуживают вам уже много лет. Вот так взять и продать их... пожалуй, не совсем ладно...

— Всего лишь несколько служанок, — Сяо Чжигэ смерил его строгим взглядом, не терпящим возражений. — Поступайте так, как велел ванфэй.

Сердце Вана Фугуя ёкнуло. Ему пришлось заново переоценить положение Ань Чанцина в доме. Больше не смея возражать, он лишь покорно соглашался.

Примечание автора:

#Высочайший уровень инстинкта самосохранения#

Князь Сяо: Всё, что говорит жена — правильно, слушаться жену — единственный верный путь.

Отдав сливовое печенье Вану Фугую, Сяо Чжигэ направился прямо в кабинет. Кабинет располагался в юго-восточном углу главного двора, наискосок от главных покоев. Если открыть окно, выходившее на север, оттуда отлично виден главный дом.

Был ещё ранний вечер, на улице оставалось светло. Возле главных покоев можно было сразу заметить стоящую на коленях служанку. Обладая чутким слухом воина, Сяо Чжигэ даже улавливал её всхлипы и мольбы о пощаде. Похоже, это и была та самая служанка, огорчившая Ань Чанцина, о которой говорил Ван Фугуй.

Сама служанка Сяо Чжигэ ничуть не интересовала. Раньше, когда он охранял Яньчжоу, ему редко удавалось бывать в Ецзине. А после отозвания в столицу он по большей части находился в военном лагере за городом. Делами поместья князя заправлял Ван Фугуй, так что князь даже не помнил лиц и имён всех тамошних служанок.

На самом деле ему было гораздо любопытнее посмотреть, как Ань Чанцин поступит с этой девушкой.

Судя по сведениям, собранным его подчиненными, Ань Чанцин и его родная сестра Ань Сяньюй унаследовали мягкий и кроткий нрав своей матери. Из-за этого их жизнь в резиденции канцлера долгие годы была несладкой: даже простые служанки и прислуга-старухи могли

безнаказанно обижать и обделять их с матерью. Не будь всё так плохо, он бы и не стал жениться на нём. По крайней мере, в поместье князя тот будет сыт, одет и защищен от чужих придираков.

Пока Сяо Чжигэ наблюдал, в ворота главного двора вошел дворецкий Ван Фугуй с коробкой в руках.

Ань Чанцин в это время приводил в порядок привезённые с собой книги. Хотя считается, что он «вышел замуж» и вошел в поместье князя, законная мать, госпожа Ли, заявила, что он всё же мужчина, и проводить обряды, как при выдаче дочери замуж, не подобает. Всё сделали по упрощенному чину, а о приданом и речи быть не могло. Поэтому из всего привезённого имущества, помимо нескольких красивых, но бесполезных вещей для вида, у него имелись лишь несколько сундуков с книгами.

Ань Чанцин разбирал сундуки вместе с Ань Фу, когда служанка доложила о приходе дворецкого Вана.

Дворецкий Ван, войдя с согнутой спиной и бережно держа в руках коробку со сливовым печеньем, выглядел куда более почтительно, чем прежде, и заговорил с подчёркнутой покорностью:

— Ванфэй, князь велел старому слуге принести это вам.

В сущности, это была всего лишь коробка со сладостями, которую мог принести любой слуга или служанка. Однако Ван Фугуй был человеком умудрённым жизнью и уловил в поступке князя нечто необычное. Вспомнив о своей утренней халатности, дворецкий покрылся холодным потом и поспешил лично доставить подарок.

Ань Чанцин с некоторой растерянностью принял коробку. Открыв изящную деревянную шкатулку, он увидел слой вощёной бумаги, на которой покоились восемь лакомств в форме цветов сливы. Белое тесто скрывало нежно-розовую начинку — печенье выглядело утончённо и очень аппетитно.

— Это правда князь велел передать? — Ань Чанцин похлопал ресницами. Разглядывая изысканные сладости, он никак не мог сопоставить их с грозным и суровым Бэйчжань-ваном.

— Именно так. Это фирменное сливовое печенье из лавки «Саньвэйчжай». Похоже, князь купил его специально для вас по пути в поместье, — с угодливой улыбкой пояснил дворецкий Ван.

— Благодарю за труды, дворецкий Ван.

Ань Чанцин попытался представить, как Сяо Чжигэ лично заходит в лавку за сладостями для него, но так и не смог вообразить такую сцену. Однако, глядя на угощение в руках, он почувствовал, как тягостное чувство, копившееся со вчерашнего вечера и сегодняшнего утра, окончательно развеялось, а на щеках даже появился лёгкий румянец.

— Где сейчас князь?

Ван Фугуй ответил:

— Отправился в кабинет.

Ань Чанцин немного подумал и сказал:

— Я схожу к нему в кабинет.

Дворецкий Ван вспомнил о Яньхун, всё ещё стоявшей на коленях снаружи, и торопливо добавил:

— Эту невоспитанную девку Яньхун я уже велел увезти. Завтра придет скупщица людей. Место служанки ванфэй пожелает выбрать из тех, кто уже есть в поместье, или приказать скупщице привести новых, толковых девиц?

— Пусть лучше приведет нескольких смысленных мальчишек.

Получив приказания, Ван Фугуй отнял руку у груди и удалился, прихватив с собой и молившую о пощаде Яньхун. Девушка всё ещё отчаянно вырывалась, заливаясь слезами:

— Крёстный, крёстный! Позволь мне увидеть князя! Князь не может быть столь жестокосерден...

Ван Фугуй давно понял, куда дует ветер. Хотя ему было немного жаль её, при мысли о слухах, пересказанных слугами во второй половине дня, он осознал, насколько непомерны амбиции этой девки. Не смея больше потакать ей, он нахмурился и сурово обрубил:

— Да как ты смеешь думать, будто можешь созерцать князя, когда вздумается?

С этими словами он подал знак слуге. Тот мгновенно всё понял и тут же зажал Яньхун рот.

Однако Яньхун в отчаянии больно укусила слугу за руку, вырвалась из хватки и, подхватив юбки, со всех ног бросилась к кабинету в юго-восточном углу. На бегу она с плачем кричала:

— Князь, спасите меня! Князь, спасите Яньхун!..

От природы она была весьма хороша собой, и теперь, со растрёпанными волосами и видом хрупкого, беспомощного создания, со слезами и всхлипами рухнула прямо перед дверью кабинета Сяо Чжигэ. Будь на его месте человек, нежный к женской красоте, он бы непременно выскочил навстречу, поднял бедняжку и принялся утешать.

Но перед ней был Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ даже бровью не повёл. Хладнокровно посмотрев на заливающуюся слезами Яньхун, он окрикнул опешившего слугу, не знавшего, как поступить:

— Что застыл? Свяжи её и утащи прочь, чтобы больше не вырывалась и не смела тревожить ванфэй.

Слуга поспешно закивал и, покрываясь холодным потом, ловко снова зажал ей рот и уволок прочь.

Ань Чанцин, подходивший к кабинету с пиалой лапши в руках, издалека увидел эту сцену. Его тонкие брови расправились, а в душе промелькнула мысль: «Значит, лапшу я сварил не зря».

С самого детства в резиденции канцлера он привык смотреть на чужие лица и полагаться во всем только на себя, а потому никогда не считал, что благородному мужу не пристало стоять у кухонного очага. Узнав, что Сяо Чжигэ находится в кабинете, Ань Чанцин специально

отправился на малую кухню и приготовил пиалу лапши в знак благодарности за сливовое печенье. Заодно это давало отличный повод пригласить Сяо Чжигэ вернуться с ним в главные покои. Ведь если супруги продолжают жить раздельно, в будущем одной Яньхун дело явно не ограничится.

Когда Ань Чанцин вошел в кабинет с пиалой, Сяо Чжигэ снова сидел у окна с трактатом по военному искусству в руках. Отслав Ань Фу наружу, Ань Чанцин поставил лапшу перед Сяо Чжигэ и тихо спросил:

— Чанцин сделал что-то, что вызвало недовольство князя?

Двинув ухом, Сяо Чжигэ отложил книгу и повернулся к нему:

— Вовсе нет.

— Тогда... князю не нравится Чанцин?

Сяо Чжигэ сделал паузу и лишь затем произнёс:

— Нет.

— Тогда почему князь вчера вечером не пожелал разделить со мной ложе? — Ань Чанцин поднял взгляд и посмотрел прямо на него. Его глаза мгновенно покраснели. На самом деле он не собирался плакать — слезы не украшают мужчину, и в прошлой жизни, натерпевшись столько обид и невзгод, он ни разу не пролил ни слезинки. А сейчас стоит задать всего пару вопросов, как в носу закололо от накатившей обиды.

Ань Чанцин сам понимал, насколько глупо выглядит. Слезы крутились в глазах, но он с трудом подавил дрожь в голосе:

— Если я тебе не нравлюсь, то зачем было силой брать меня в супруги? Думаешь, мне, мужчине, так уж хотелось выходить за тебя замуж?

Увидев его покрасневшие глаза, Сяо Чжигэ впервые совершенно растерялся. Вот только утешать людей он совсем не умел, поэтому лишь нахмурился и произнёс глухим голосом:

— Я знаю, что ты не хотел этого. Не бойся, я не стану принуждать тебя. В будущем... если в будущем ты действительно не захочешь оставаться в поместье князя, я отпущу тебя.

Ань Чанцин даже не понял, о каком таком «будущем» тот говорит. Услышав лишь слова «отпущу тебя», он почувствовал, как струна, натянутая в его душе, с треском лопнула. Слезы, дрожавшие на ресницах, хлынули по щекам, оставляя мокрые дорожки:

— А ещё говоришь, что я тебе нравлюсь! Я-то думал жить с тобой душа в душу, а ты только и мечтаешь прогнать меня!..